

■ ■ ■ Связь коммуникологии и актуальной фонетики (на примере использования коммуникативных возможностей звука в поэзии футуристов)

Койдан Е.В

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация.

Аннотация. В работе рассматривается историческая связь фонетики с общим языкознанием, выявляется, почему данная область лингвистики не развивалась ни последовательно, ни параллельно в структуре филологических наук. Уделено внимание современному медиатекстовому подходу к такой области фонетики, как интонирование; последнее, в свою очередь, рассматривается как часть теории коммуникации. Выдвигается гипотеза, что подобное отношение к звуку, к фонеме, уже рассматривалось в среде футуристов, дадистов, лягурристов, буделян и обэриутов, трактовавших звуки как непознаваемое явление, находящееся за пределами познания умом. Здесь определяется место и прагматическая роль современной науки об актуальных подходах к фонетике в коммуникологии, где интонирование не относится ни к когнитивистике, ни к паралингвистике, но, вместе с тем, объединяет эти две области практического речепроизводства. Гипотетически предполагается, что подобные подходы осознавались некоторыми представителями течений и школ направления модернизма начала XX века.

Ключевые слова: фонетика, фонология, коммуникология, прагматика, нигилистический авангард, «заумь», Олег Юрьев, М.В. Панов, Джеральд Янечек

Для цитирования: Койдан Е.В. Связь коммуникологии и актуальной фонетики (на примере использования коммуникативных возможностей звука в поэзии футуристов) // Коммуникология. 2021. Том 9. №1. С. 42-52.

Сведения об авторе: Койдан Елизавета Валерьевна – студентка факультета журналистики ИГСУ РАНХиГС. Адрес: 119571, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 84. E-mail: elizavetakoydan@gmail.com.

Статья поступила в редакцию: 11.09.2020. Принята к печати: 25.02.2021.

Первые труды по изучению грамматики различных языков появились несколько тысячелетий назад, но фонетическая составляющая лингвистического материала не считалась элементом синтеза речи; именно поэтому, по наблюдению ученых, этот раздел языкоznания стал изучаться языковедами позже других лингвистических направлений почти на две тысячи лет [Ганиев: 21-24]. Действительно, упоминание на первых этапах развития филологических наук о фонетике (в разделе графики) еще не являлось началом данной науки, а всего лишь являлось «технологическим приложением» для обучения чтению. Возможно, этот факт и является причиной «непознанности», «неизученности» фо-

нетики, что неизбежно сопрягается с неким элементом «таинственности», присущим этому разделу лингвистики и языкоznания; возможно поэтому фонетические знаки позже последовательно применялись в арсенале средств художественной выразительности.

В области речевых коммуникаций, восприятия текстов – не только художественных, но даже научных и публицистических – роль фонетики очевидна, и переоценить её прагматическое значение при реализации дискурса невозможно. Фонетика – самая «материальная» сторона языка и речи: звук можно записать иными средствами – не только графическими, – хотя, конечно, законы фонетической транскрипции в начертательном плане на сегодняшний день во всех языках разработаны достаточно основательно. Тем не менее, нельзя измерить в каких-либо единицах «силу грамматических категорий», а «фонетическую силу» можно зафиксировать при помощи акустической техники. Поэтому в понятии «сила слова» (в коммуникативном проявлении) «сила звука» играет не последнюю роль; и это не только метафора.

Актуальная фонетика в коммуникации

Актуальная фонетика занимается изучением языкового материала, принципами его коммуникативного использования в речи, а также причинами и следствиями исторических изменений в произношении: в коммуникативной практике и разделе языкоznания. Коммуникация основывается на устном и письменном типах речи; с точки зрения функциональности устного произношения также выдерживаются стилистические каноны: тон повседневного разговора, художественное чтение и деловое общение, – что также неизбежно связывают с фонетикой. «Выделение трех основных функциональных типов речи – разговорной, художественной и специальной – оправданно и с позиции фонетики» – совершенно справедливо считает В.В. Потапов [Потапов: 167].

Под звуковым материалом в коммуникологии стоит понимать звуки, фонемы и иные звуковые единицы, а также ударения и интонации, влияющие на восприятие звукового потока и переведение его в контактные смыслы.

Мнение Ж.В. Ганиева о том, что фонетический уровень языка «более полу века после 30-х годов прошлого столетия был авангардной частью науки о языке, затем фонетика – фонология – достигли пика развития и благополучно передали свою эстафету грамматике и лексикологии» [Хромов: 165], – представляет-ся важным для данного исследования, так как хронология развития изучаемого явления имеет значение и будет рассмотрена ниже. Констатацию упомянутого выше учёного можно усилить еще одним авторитетным высказыванием: «Русская интонация, – пишет современный лингвист С.С.Хромов, – как, впрочем, и интонация любого другого языка, долгое время оставалась Золушкой для официальной лингвистики (где-то до 60-х гг. прошлого века), хотя в то же время не было ни одного крупного труда по русистике, в котором так или иначе не упоминалась бы роль интонации в тексте и живой речи, ее взаимоотношение с грам-

матикой и лексикой» [Хромов: 167]. Оба предположения учёных говорят о том, что современная лингвистика уделяет недостаточно пристальное внимание фонетике как отдельной науке, затрудняется определить её статус, место и функциональность. Данная работа также не предполагает дать ответы на возникающие вопросы и разрешить поставленные проблемы. Здесь будет совершена попытка выявить некоторые аспекты коммуникативной функции фонетической стороны языка и указать на не изучаемые ранее источники данного употребления фонетических единиц.

Интонационные маркеры

Подходы к изучению фонетики звучащей речи, несомненно, претерпевают изменения в подходах к их анализу. В реалиях медиатекстовой эпохи изучение звука и фонемы неотделимо от лингвистики в целом, от изучения среды социального употребления звучащей речи, от психолингвистических исследований в коммуникологии, от характеристики фонетических манер отдельно взятого «говорящего» субъекта. То же утверждает и С.Хромов, который полагает, что «в конце XX в. в лингвистике произошло изменение векторов научного поиска: на смену строгому поуровневому стратификационному анализу пришло комплексное, полифункциональное, системное рассмотрение явлений, что полностью относится к объекту и предмету изыскания, который рассматривается как феномен одновременного междисциплинарного научного исследования и комплексного подхода различных наук – собственно лингвистики, психолингвистики, социолингвистики, этнолингвистики, лингводидактики» [Хромов: 168].

Не вызывает сомнения и приведённое выше утверждение, и то, что в коммуникации первостепенное значение имеет звучащая речь, применяемая на практиках публичных выступлений, в процессе делового общения, в быту. В этих ситуациях интонационная и фонетическая сторона коммуникации приобретает релевантное, преобладающее компонентное значение. При этом для коммуникации интонационный аспект фонетики имеет превалирующие значение. Опираясь на исследования, проведённые ранее в области интонации, можно сформулировать приблизительную парадигму интонационных маркеров в коммуникации:

- тесная связь интонации общения с содержательным пластом речи: произношение является как бы «манифестом» содержания;
- синcretичность фонетики коммуникации: тон охватывает большее количество смыслов, чем непосредственно сказанное;
- интонация при общении, скандирование, неполное произношение в процессе коммуникации позволяют скрыть грамматические недочёты в речи, наличие акцента, позволяют вступить в коммуникацию представителям разных культур;
- фонетика позволяет указать на контекстуально сильные и ослабленные позиции в произносимом тексте;
- интонационные аспекты в процессе коммуникации позволяют как дифференцировать сказанное, так и объединять части высказывания, интегрировать их;

– прагматическая составляющая коммуникативного акта напрямую связана с употреблением фонетико-грамматических утрирований (например, скандирований) и цезурных интонирований.

Доводы, приведённые в парадигме интонационных маркеров, позволяют предположить, что ещё одним аспектом изучения и становления современной теоретической коммуникологии может стать практическая фонетика, в частности, – её более прагматическая часть: интонация.

Как бывает во многих областях коммуникативной жизни, в том числе и в её научно-исследовательской стороне, подходы, объявленные учёными XXI века как новые, могут оказаться сродни «хорошо забытому старому».

«Звуковые эксперименты» эпохи модернизма

Яркой иллюстрацией коммуникативной роли фонетики в художественной речи могут послужить «звуковые эксперименты» поэтов эпохи модернизма, когда «тайнственность» фонетического знака была на пике разностороннего анализа и не могла не привлечь внимание мирового словесного импрессионизма, футуризма и иных новаторских течений коммуникологической лингвистики, которые в основу поэтической речи помещали философию её звучания: дополнительные возможности коммуникативных соприкосновений.

Одним из основных направлений поэтического модернизма, который в истории русской поэзии получил название «Серебряный век», был футуризм, зародившийся первоначально в живописи, а затем (в 1909 году) манифестирующий итальянским поэтом Ф.Т. Маринетти. Основным постулатом направления был призыв «ежедневно плевать на алтарь искусства». Помимо пропаганды культурологической независимости, футуристы предлагали многие словесные коммуникации перевести в область фонетических знаков; как видно из современного вектора развития фонетики, они не ошибались и даже, можно сказать, предвидали векторное направление развития данной науки. Футуристы на уровне звука ощущали наступление эпохи индустриализации, которая упростит звучание стиха, а возможно, и сделает ненужными сложности лингвистических коммуникаций, сведя общение до «динамики ощущений». В труде «Обоснование и манифест футуризма» Филиппо Маринетти пишет: «Пусть поэт жарит напропалую, пусть гремит его голос и будит первозданные стихии» [Marinetti]. Скорее всего, под «первозданными стихиями» поэт и понимал фонетические единицы: фонему и тон. Призываая дать звукам свободу («Parole in libert»), он также пишет, что слово надо высвободить из границ синтаксиса и пунктуации, презреть традиционное письмо и традиционную передачу смыслов при помощи слов и выражений, применяя новые принципы звучания для экономии языковых средств при общении автора и читателя.

На основе лингвистически-новаторского учения футуристов возникает теория утрированно-фонетической поэзии и общего направления в искусстве – дадизма, идеологом которого считается представитель германской поэзии и дра-

матургии начала XX века Хugo Балль, который предлагал внедрить в культурно-коммуникативный обиход «поэзию без слов» или «звукостихи», основанные на «балансе гласных» [Балль: 403]. В драматических произведениях Балль также уделял внимание звуковым качествам речи, произносимой на сцене.

Важнейший фонетический эксперимент в звуковой поэзии был проведён лягтистами, идеологами которых считаются французские авангардисты Исидор Изу и Морис Леметр. В своем нетрадиционном «Словаре новой литературы» они объяснили постатейно смысловое значение каждого звука в той или иной речевой ситуации. Данный подход пытался развиться в течение следующих 30 лет XX века, но был признан несостоятельным; в настоящее время он получает продолжение в области коммуникологии.

Звучание поэтической речи на различных языках происходит по-разному, что находит своё отражение в особенностях межкультурной коммуникации современной интонологии. Поэтому нельзя однозначно утверждать, что отечественные футуристы в точности подхватили и внедрили в поэзию русского модернизма фонетические коммуникативные эксперименты западных поэтов, писателей и лингвистов. Общим, пожалуй, был только энтузиазм новаторства.

Поэзия «звукописания» в России имела самобытное выражение, которое обосновал литератор и художник Давид Бурлюк, начав с призыва «выбросить флаг футуристов» и, утверждая право на словотворчество, предлагает соотечественникам называться «будущниками» или «будетлянами» [Бурлюк: 63]. Литературные школы, типа «Гиляя» и «Эгофутуристы», принадлежащие И. Северянину и В.И. Гнедову, продвигали идеологию призыва преобразования жизни в целом, желание преобразовать отечественную лингвистику, сделав её частью «тайны» фонетики. Одним словом, на фоне общего слома экономических и политических формаций в России начала XX века активно рождаются новые формы коммуникативных поэтических идей, появляются кубофутуристы («Гиляя», Д.Бурлюк, В.Хлебников, В.Маяковский, А.Крученых и их сборники «Дохлая луна», «Рыкающий Парнас»), московские эгофутуристы («Мезонин поэзии» В. Шершневич, И. Лотарев), петербургские эгофутуристы (И. Северянин, И. Игнатьев), группировка «Цетрифуга» (Б.Пастернак, С. Бобров). Эти имена тесным образом связаны с пиком интереса к российской фонетике, к прагматическим особенностям, «тайне» заложенным в ней.

Собственно-звуковые эксперименты проводили такие русские футуристы, как В.Хлебникова и А.Крученых; именно они выделили звук как элемент коммуникации в поэтическом творчестве, в лингвистическом эксперименте; недаром у Велимира Хлебникова «элемент звука живет собственной жизнью» [Хлебников: 635]. Понимая эфемерную природу звука, «неуловимость» для более пристального изучения, единомышленник Хлебникова – Кручин – называет звуковой подход в поэтической коммуникации «заумью»; этим термином позже активно будет пользоваться культурологическое направление эпохи нигилистического авангарда – дадизм. За пределами «умного» восприятия, понимания умом, по их мнению, находится фольклорное и диалектное песенное звучание, при кото-

ром лексическое значение слова значительно ослабляется. С этим связаны проводимые ими лексические и семантические эксперименты (словотворчество).

Все эти практики-экспериментаторы в области русского звука предполагали, что звук и есть смысл, и (при всей изначально кажущейся абсурдности утверждения) с точки зрения современных подходов к коммуникативной прагматике они были правы. Поэты эпохи модернизма, – как иноязычные, так и русские, – пытались радикальным образом поменять отношение к лексической и семантической сторонам слова, заменив их способностью влиять на сознание и подсознание реципиента звучанием. В этом основа «заумного» подхода футуристов к материальной стороне языка; они полагали, что именно в звучании заложены нематериальные смысловые единицы, способные находить индивидуальное отражение в сознании каждого отдельно взятого читателя, полагая, что при коммуникации в системе «автор-читатель» преобладает «эмоционально-интуитивное начало», в котором заложено бесконечное количество смыслов.

Сложность изучения «зауми» как лингвистического явления заключается в теории непознаваемости явления, о которой сразу объявили авторы термина: если читатель или лингвист познал «заумь», расшифровал, понял, то она перестаёт ею быть. Звук должен оставаться на уровне эмоционального подсознания: «Мысль и речь не успевают за переживанием вдохновенного, поэтому художник волен выражаться не только общим языком (понятия), но и личным (творец индивидуален), и языком, не имеющим определенного значения (не застывшим), заумным» [Кручёных: 39]. Такой подход поясняет, почему соратник Кручёных по перу – В.В. Маяковский – назвал главы его книги «крученыховским адом»¹.

Примером «зауми» во многих исследованиях о русских футуристах традиционно служит стихотворение Кручёных «Дыр бул щыл»², вошедшее в первый сборник «Помада» (1913 года). Это же стихотворение стало частью «Декларации слова как такового» с пояснением: «в этом пятистишии более русского национального, чем во всей поэзии Пушкина» [Кручёных: 43].

Единомышленник Кручёных – Велимир Хлебников – даёт более точные пояснения коммуникативной роли звука в нигилистической поэзии, полагая, что даже «заумь» можно уловить, понять и осмыслить: «Эль — остановка падения, или вообще движения, плоскостью, поперечной падающей точке (лодка, летать). <...> Пэ — беглое удаление одной точки прочь от другой, и отсюда для многих точек, точечного множества, рост объёма (пламя, пар). <...> Ха — преграда плоскости между одной точкой и другой, движущейся к ней (хижина, хата)» [Хлебников: 799]. Но и в этом случае субъективный ненаучный подход к разделу лингвистики в его коммуникативной плоскости – очевиден. Утверждение же художника слова о том, что для понимания слова иногда достаточно услышать его начальную зву-

¹ Имеется в виду строчка из известного стихотворения «Лиличка!» («Дым табачный воздух выел. Комната – глава в крученыховском аде»).

² Полное название стихотворения А. Кручёных: *Дыр бул щыл убешур скум вы со бур л эз.*

ковую оболочку, достаточно уловить цезурный тон произнесения лексемы, чтобы осуществить полноценный коммуникативный процесс, – вполне основательно.

Хронология продолжения «фонетического эксперимента»

Фонетические эксперименты русских авангардистов не получили научного продолжения; предполагается, что под гнётом реалий исторической деформации российского государственного строя «сворачивались» многие важнейшие научно-лингвистические начинания. В качестве примера можно упомянуть такое важное и необходимое, но незавершенное преобразование академического русского языка, как реформа орфографии 1904 года, начатая величайшими филологами: А.А. Шахматов, Ф.Ф. Фортунатов, А.И. Соболевский, Ф.Е. Корш, И.А. Бодуэн де Куртенэ; она оборвала своё логическое продолжение в 1918 году под влиянием социальных потрясений.

Современный поэт и литературный критик Олег Юрьев уже в реалиях настоящего времени подверг анализу факты продолжения фонетического эксперимента отечественных «серебряников» на основе творчества А.Введенского и Д.Хармса (а их творчество приходится уже на 30-е годы XX века). Он рассмотрел, какое продолжение на закате нигилистического авангарда получило учение о фонеме и выявил: «Бессмыслица – “правый выход” из конвенциональной парадигмы сообщения. Бессмыслица контрреволюционна, она, по сути, консервативна и охранительна – она доводит до предела и переводит через предел присущие материнской культуре “правила соединения слов”, сохраняя в синтаксисе, в тексте всю предысторию смысла. Заумь – эстетика левая, революционная, авангардная. Она отменяет принятые “правила соединения слов”, уничтожает предшествующие смыслы. В этом разница между кручёных ховским “дыр-булщиком” и “бессмыслицей” зрелых Хармса и Введенского» [Юрьев]. Очевидно, что Юрьев также показывает связь лингвистической фонетики с политической коммуникативной ситуацией. В свете этого следует признать достоверность причин хронологического завершения развития фонетической линии в лингвистике, о которых говорили процитированные выше современные исследователи В.В. Потапов, Ж.В. Ганиев и С.С. Хромов. Мнения О. Юрьева и современных ученых совпадают в том, что «начало конца» изучения коммуникативной составляющей фонетики соотносится с творчеством обэриутов, с 30-ыми годами XX века. Концом попытки найти место фонетики в истории языкоznания полагаются 60-е.

Итоговым трудом по исследованию фонетической области языкоznания считаются выводы теоретика-фонолога М.В. Панова (труды 1967 года), сказавшего весомое слово в области парадигматики и синтагматики фонем, где учёный останавливает развитие науки на фонетико-лингвистическом уровне, не принимая во внимание коммуникативную составляющую фонетики, интонирование [Панов: 440].

Выведенное утверждение о завершении одного из уровней лингвистического анализа фонетики покажется ещё более основательным, если обратиться к исследованию-«точке» доктора философских наук Джеральда Янечека, лите-

ратурного критика-руссиста из Америки. Он рассматривал во второй половине XX века фонетические особенности «авангардной эпохи» русских модернистов. В известном труде «Классификация зауми» он подчеркивает остроту научного конфликта, который привел к прекращению развития коммуникативной фонетики во второй половине XX века. Янечек пишет: «Такая ситуация создаётся сдвигом на одном или одновременно нескольких уровнях языковой структуры: фонетическом, морфологическом, синтаксическом или супрасинтаксическом (то есть, на уровне идей, повествований и пр.)» [Янечек: 37-54]. Мнение профессора, скорее всего, объясняет, но не прекращает развитие коммуникативной фонетики.

Связь фонетики и коммуникологии

Анализ, проведённый в данной статье, позволяет предположить, что современный вектор изучения фонетической «неопознанности» может прейти в область коммуникологии, как науки.

Коммуникология на своей исследовательской платформе сосредоточивает новые знания о коммуникации в широком смысле, о синтезе различных областей познания окружающей действительности: коммуникаций различных теоретических областей, когнитивистики, практики деятельности социальных институтов (например, журналистики, политологии, экономики, социологии). Лингвистические исследования также являются частью коммуникологии; следовательно, область коммуникативной фонетики, не получившая должного научного развития в эпоху модернизма и исчерпавшая себя в фонологических школах эпохи постмодернизма, может продолжиться (возвратиться к предположениям отечественных футурристов) в рамках одного из направлений коммуникологии.

По мнению основателя науки коммуникология в России, доктора социологических наук, профессора Ф.И. Шаркова, коммуникология как наука также берёт своё начало в 30-х годах XX века. Учёный утверждает: «Проблемы социальных коммуникаций в вузах развитых стран начали изучать еще в начале прошлого века. В американских университетах с конца 30-х годов двадцатого века читаются курсы по коммуникации. <...> Первая кафедра по общим проблемам развития коммуникаций была открыта в США более полувека назад. В настоящее время кафедры по различным сферам коммуникологии существуют практически во всех ведущих американских и европейских университетах» [Шарков:15]. В этом же труде профессор обосновывает связь общей лингвистики с коммуникологией, но отрицает узкую функцию лингвистики: «Изучение восприятия информации ее получателем отодвигается на второй план» [Шарков:17]. Шарков также объясняет связь лингвистики и коммуникологии «экстраконцептуальным факторам коммуникации», что совпадает с выдвинутой здесь теорией экстраконцептуальной функции фонетики в коммуникативных процессах.

Следовательно, фонетика как «отрезанный» вектор языкоznания может применяться практически и изучаться теоретически в коммуникологии на границе лингвистических и паралингвистических подходов, на соприкосновении теории коммуникаций и психолингвистики.

Заключение. Рассмотреть в данной работе коммуникологическую функцию фонетики позволила идея о том, что возникшее в отечественной поэзии нигилистического авангарда (среди футуристов, дадистов, лягтистов, буделян и обэриутов) учение о звуковой «зауми» (непостижимости умом) семантики фонем исчерпало себя в 60-е годы XX века, но возрождается в реалиях современной медиатекстовой эпохи. Изучение фонетики как области языкоznания существенно отстает от общей лингвистики, так как ученые долго не могли найти точки соприкосновения звучания речи с её грамматикой. Возможно, данный факт послужил причиной понимать звучащую речь как нечто «таинственное», «непознаваемое». В реалиях современных учений о звучании речи рассматриваются именно коммуникативные аспекты фонетики, находящиеся на стыке понятий о вокализме, паралингвистике и когнитивистике. Современная фонетика переходит в область интоационных маркеров, которые в коммуникологии проявляются в связности интонации и содержания, в способности «маскировать» проблемы коммуникации, сосредоточении внимания на контексте, а не на тексте, дифференциации и интеграции сказанного, прагматике. В этом кратком исследовании выдвигается гипотеза, что подобные подходы (без формирования понятийного и терминологического аппарата) уже рассматривались в различных течениях футуризма как на уровне манифестов и художественного творчества, так и на теоретическом уровне. Эта взаимосвязь позволяет продолжить освоение семантической фонетики как раздела коммуникологии.

Источники

- Балль Х. (2010). Бегство из времени / Вступительная статья, составление, перевод и примечания В. Седельника. М.: Журнальный зал в РЖ.
- Бурлюк Д.Д. (1994). Фрагменты из воспоминаний футуриста. Письма. Стихотворения. СПб.: Пушкинский фонд.
- Ганиев Ж.В. (2013). Об основах методики преподавания фонетики русского языка. // Русский язык в школе. № 2.
- Крученых А. Е. (1923). Апокалипсис в русской литературе. Чорт и речетворцы. Тайные пороки академиков. Слово, как таковое. Декларации. М.: Тип. ЦИТ.
- Панов М.В. (1967). Русская фонетика. М.: Просвещение.
- Потапов В.В. (2005). Фонетические единицы русской речи: Статус и функции. ИНИОН РАН. Москва.
- Хлебников В. (1986). Творения / Общая редакция и вступительная статья М.Я. Полякова; Сост. и комментарии В.П. Григорьева и А.Е. Парниса. М.: Советский писатель.
- Хромов С.С. (2011). Полифункциональный анализ русской интонации в языке и речи в начале XXI в. // Ярославский педагогический вестник (*Гуманитарные науки*). № 4. Том 1.
- Шарков Ф.И. (2014). Социология социальных коммуникаций в контексте развития научного направления «коммуникология» // Коммуникология. Том 7. №5. С. 15-26.
- Юрьев О. (2008). Заполненное зияние-2. Рецензия на книгу: Гор Геннадий. Блокада: Стихи / Пер. с русского с параллельным текстом. Вена: НЛО.
- Janecek G. (1986). A Zaum' Classification. *Canadian-American Slavic Studies*. Vol. 20, No. 1-2. P. 37-54 / Russian transl.: Классификация зауми // Слово. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т, 1996.
- Marinetti F.T. (1909). Fondazione e manifesto del futurism [режим доступа]: https://it.wikisource.org/wiki/I_Manifesti_del_futurismo/Fondazione_e_Manifesto_del_futurismo.

■ ■ ■ The Communicative Function of Phonetic Units in Russian Futurist Poetry

Koydan E.V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia.

Abstract. The paper examines the historical connection of phonetics with general linguistics, and reveals why this area of linguistics did not develop neither consistently, nor simultaneously in the structure of philological sciences. Attention is paid to the modern media-text approach to such an area of phonetics as intonation; the latter, in turn, is viewed as part of communication theory. It is hypothesized that such an attitude to sound, to the phoneme, has already been considered among the Futurists, Dadaists, Lettrists, Budelyans and Oberiuts, who interpreted sounds as an unknowable phenomenon that is beyond the cognition of the mind. Here the place and the pragmatic role of modern science on current approaches to phonetics in communicology is determined, where intonation does not refer to either cognitive science or paralinguistics, but, at the same time, unites these two areas of practical speech production. It is hypothetically assumed that such approaches were realized by some representatives of trends and schools of the direction of modernism of the early twentieth century.

Keywords: phonetics, phonology, communicology, pragmatics, nihilistic avant-garde, "zaum", Oleg Yuryev, M.V. Panov, Gerald Yanechek

For citation: Koydan E.V. (2021). The Communicative Function of Phonetic Units in Russian Futurist Poetry. *Communicology (Russia)*. Vol. 9. No.1. P. 42-52. DOI 10/21453/2311-3065-2021-9-1-42-52.

Inf. about the author: Koydan Elizaveta Valerievna – student of the Faculty of Journalism, Institute of Public Administration and Civil Service, RANEPA. *E-mail:* elizavetakoydan@gmail.com.

Received: 11.09.2020. *Accepted:* 25.02.2021.

References

- Ball H. (2010). Flight from time. Ed., introductory article, compil., transl. and notes V. Sedelnik. Moscow (In Rus.).
- Burliuk D.D. (1994). Fragments from the memoirs of a futurist. Letters. Poems. SPb.: Pushkin Foundation (In Rus.).
- Ganiev Zh.V. (2013). On the basics of teaching Russian phonetics. *Russian language at school*. No. 2 (In Rus.).
- Kruchenykh A.E. (1923). Apocalypse in Russian literature. The devil and the talkers. Secret vices of academicians. The word as such. Declarations. Moscow (In Rus.).
- Panov M.V. (1967). Russian phonetics. M.: Education (In Rus.).
- Potapov V.V. (2005). Phonetic units of Russian speech: Status and functions. INION RAS. Moscow (In Rus.).

- Khlebnikov V. (1986). Creations. Ed. and introductory article M.Y. Polyakov; compil. by V.P. Grigoriev and A.E. Parnis. M.: Soviet writer (In Rus.).
- Khromov S.S. (2011). Multifunctional analysis of Russian intonation in language and speech at the beginning of the XXI century. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin (Humanities)*. No. 4. Vol. 1 (In Rus.).
- Sharkov F.I. (2014). Sociology of social communications in the context of the development of the scientific direction “Communicology”. *Communicology*. Vol. 7. No. 5. P. 15-26.
- Yuriev O. (2008). Filled gap-2. Book review: Gennady Gor. Blockade: Poems / Transl. from Russian with parallel text. Vienna: UFO.
- Janecek G. (1986). A Zaum ‘Classification. Canadian-American Slavic Studies. Vol. 20, No. 1-2. R. 37-54 / Russian transl.: Zaumi classification // Word. Tambov: Tambov state. un-t, 1996.
- Marinetti F.T. (1909). Fondazione e manifesto del futurism [access mode]: https://it.wikisource.org/wiki/I_Manifesti_del_futurismo/Fondazione_e_Manifesto_del_futurismo.